

УДК 159.9:[316.6:004.738.5]–053.6

UDC 159.9:[316.6:004.738.5]–053.6

ФЕНОМЕН КИБЕРБУЛЛИНГА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

PHENOMENON OF CYBERBULLYING AMONG ADOLESCENTS IN SOCIAL NETWORKS

О. С. Белковец,
аспирант кафедры психологии
образования БГПУ

O. S. Belkovets,
Post-Graduate Student of the department
of Psychology of Education, BSPU

Поступила в редакцию 08.04.16

Received on 08.04.16

Данная статья посвящена одной из актуальных проблем современного общества – кибербуллингу среди подростков с помощью социальных сетей. Рассмотрены данные о распространенности данного явления, основные формы кибербуллинга. Приводятся результаты эмпирического исследования, который носит пилотажный характер.

Ключевые слова: интернет, социальные сети, подросток, кибербуллинг, агрессия.

This article is dedicated to one of the most important problems of modern society – cyberbullying among adolescents by means of social network. The data on prevalence of this phenomenon and are examined. The main forms of cyberbullying. The results of the empirical study, which is a pilot project, are presented.

Keywords: adolescents, society network, the Internet, cyberbullying, aggression.

Введение в проблематику

В современном мире в связи с развитием информационных технологий многие психологические явления приобретают новое звучание. В частности это касается феномена агрессии среди подростков, который приобрел новую форму – кибербуллинг. На наш взгляд, изучение данного явления весьма актуально, поскольку до сих пор нет ответов на ряд вопросов касаемых форм, степени, рамок и дефиниции данного явления, а научная литература, которая существует в большей степени, носит описательный и статистический характер.

Кибербуллинг пользуется большой популярностью среди подростков в связи с такой особенностью, как анонимность. Вследствие чего наблюдается тенденция увеличения агрессивного поведения среди подростков. Проявление агрессии на расстоянии не позволяет увидеть мимики, реакции и поведения жертвы, что не вызывает чувства сопереживания у преследователя. Как было проиллюстрировано в работах Милграма, посвященных изучению подчинения авторитету, пространственная удаленность от жертвы облегчает проявление жестокости. Иными словами, можно оскорбить лицом к лицу, но это труднее, чем написать оскорбительное сообщение, сидя на безопасном расстоянии.

К феномену кибербуллинга интерес белорусского и российского научного сообще-

ства возник не так давно, в основном в связи с участвовавшими случаями суицида среди подростков.

Так, среди российских ученых изучением кибербуллинга занимаются: А. С. Зинцова [1] – изучает влияние кибербуллинга на личность подростка, Л. А. Найденова [2] – исследует способы защиты от кибербуллинга, Г. В. Солдатов [3] – изучает распространенность кибербуллинга на территории Российской Федерации, А. А. Бочавер, Л. Д. Хломов [4] рассматривают типы личности детей подвергшихся кибербуллингу, У. Парфентьев [5] рассматривает аспекты интернет-безопасности в целом. Среди зарубежных исследователей известны имена К. Блайна [6] – изучает влияние кибербуллинга на атмосферу в школах, О. Юбарра [7] – исследует взаимосвязь кибербуллинга и депрессивных состояний, С. Хидуя, Дж. В. Патчин [8] – рассматривают проблему взаимосвязи кибербуллинга и суицида, которые достаточно далеко шагнули в исследовании данного феномена.

Статистические данные о вовлеченности в кибербуллинг отличаются широким разбросом. Так, в США только за один год 41 % школьников испытал воздействие в среднем трех атак кибербуллинга, около 13 % – четырех-шести атак, 19 % – семи и более. В европейских странах больше всего подростков и юношей подверглось данному виду агрессии в Польше (52 %) и в Эстонии (31 %),

меньше всего в Бельгии (10 %). В России 23 % пользующихся интернетом детей в возрасте от 9 до 16 лет становились жертвами буллинга онлайн или офлайн [1, с. 123]. На территории Республики Беларусь подобных исследований не проводилось. В связи с чем считаем актуальным изучение распространенности масштабов проблемы на территории Республики Беларусь.

Кибербуллинг и его формы

По мнению С. Хидуя и Дж. В. Патчину, некоторые американские исследователи предполагают достаточно широкое определение кибербуллинга, включающее любой опыт с любым типом преследования, которые могут происходить в интернете. Другие же ориентируются только на конкретные виды вреда, такие как унижение или угроза физической расправой, без привлечения других форм, например оскорбления и ненормативной лексики.

В нашей работе мы будем исходить из формулировки канадского педагога Билла Белсея, определяющего кибербуллинг как преднамеренное, повторяющееся враждебное поведение отдельных лиц или групп, намеревающихся нанести вред другим, используя информационные и коммуникационные технологии [1, с. 122]. Мы считаем, что данное определение, позволяет отнести к кибербуллингу более широкий спектр действий, которые возможны для онлайн-агрессора в интернет-пространстве. Что касается форм кибербуллинга, мы будем опираться на формы, выделенные Р. Ковальски, С. Ламбер и П. Агатстон, которые описали существование семи форм кибербуллинга:

- флейминг (flaming) – обмен короткими эмоциональными репликами между двумя и более людьми. Иногда превращается в затяжной конфликт (holyywar – священная война);
- харассмент (harassment) – повторяющиеся оскорбительные сообщения, направленные на жертву (например, сотни сообщений, постоянные звонки). Известны две разновидности харассмента: 1) грифферы (griefers) – игроки, целенаправленно преследующие других игроков в многопользовательских онлайн-играх. Они нацелены на разрушение удовольствия от игры у других игроков; 2) кибертроллинг (cyber trolling) – это люди, публикующие негативную, вызывающую тревогу информацию на веб-сайтах, страницах социальных сетей, даже на

мемориальных страницах, посвященных умершим людям;

- киберсталкинг (cyberstalking) – использование электронных коммуникаций для преследования жертвы через повторяющиеся вызывающие тревогу и раздражения сообщения, угрозы противозаконных действий или повреждений, жертвами которых могут стать получатель сообщений или члены его семьи;
- секстинг (sexting) – рассылка фото и видео, а также текстовых сообщений, которые имеют сексуальный характер, либо рассылка материалов, содержащих обнаженных или полуобнаженных людей;
- раскрытие секретов и мошенничество (outing and trickery) – включает распространение в социальных сетях конфиденциальной информации;
- распространение клеветы (denigration) – распространение оскорбительной и неправдивой информации, текстовые сообщения, фото песни, которые часто имеют сексуальный характер. Известны две разновидности: онлайн слэм-буки (online slam-book) – это специально созданные для удовольствия и развлечения сайты, где одноклассники публикуют грубые, обидные комментарии. Еще одной разновидностью распространения клеветы является выдача себя за другого (impersonation) – использование украденного пароля, с аккаунтов жертвы и как бы от ее лица рассылка негативной информации друзьям;
- хэппи слэпинг. Happy slapping в переводе означает радостное избиение. Данное название закрепилось за любым видеороликом, содержащим в себе реальные сцены насилия. Эти ролики размещают в интернет-пространстве, где их могут просматривать тысячи людей, без согласия жертвы [9, с. 131].

Рассмотрев описанные выше формы кибербуллинга, у нас возникает вопрос, будет ли ребенок, подвергшийся один раз happy slapping, испытывать то же эмоциональное состояние, что и ребенок подвергшийся другим формам кибербуллинга, десятки раз. Или если мы рассмотрим вариант того, что ребенок один раз подвергся секстингу (например, выложили его фотографию в полуобнаженном виде), будут ли эмоции идентичны тем, которые подросток испытает, если будет подвергаться, например харассменту не-

сколько раз. Так, мы предполагаем, что в определении Б. Белсея, а также в выделяемых формах кибербуллинга необходимо уточнение по поводу однократности или многократности действий в зависимости от формы проявления кибербуллинга.

Исходя из всего вышеизложенного видно, что исследователи, занимающиеся изучением данного явления, пока не могут дать четкую и полную картину всего происходящего. В связи с чем видится актуальным дальнейшее исследование феномена кибербуллинга для точного разъяснения характера и степени такого поведения, а также связанных с ним причин и последствий.

Выборка и методы исследования

Данное исследование носит пилотажный характер и проходило в два этапа: на первом этапе проводилось анонимное анкетирование с целью выявления учащихся, имевших опыт кибербуллинга, для определения масштабов существующей проблемы. На втором этапе проводилось полуструктурированное интервью с целью определения формы кибербуллинга и роли участника кибербуллинга. Размер выборки на первом этапе составил 35 учеников девятого и десятого класса средней школы г. Минска. Возрастной диапазон исследуемых от 15 до 16 лет. Из них 22 ученицы, что составляет 63 % и 13 учеников – 37 %. Согласно проведенному исследованию, все 35 подростков являлись активными пользователями интернет-пространства и были зарегистрированы в социальных сетях, таких как: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Twitter, Instagram, AskFm, Мой мир. Во втором этапе исследования приняли участие 60 % учащихся от общего количества подростков, имевших опыт кибербуллинга, поскольку 40 % подростков и их законные представители отказались от участия в интервью.

Результаты

В ходе проведения пилотажного исследования было выявлено:

- из всех опрошенных подростков 72 % сталкивались с феноменом кибербуллинга. Из них 14 % выступали в качестве агрессора (3 ученицы и 2 ученика); 20 % выступали в роли жертвы (3 ученика и 4 ученицы) и никогда не стали бы выступать в качестве агрессора, поскольку понимают, что это оскорбляет другого человека и может привести к непоправимым последствиям; 23 % подростков (3 ученика и 5 учениц) успели

побывать в нескольких ролях, таких как агрессора и жертвы. Минимальный процентный показатель был выявлен в роли свидетеля 6 % (2 ученицы) и 6 % подростков (2 ученицы) успели побывать одновременно во всех трех ролях: жертвы, агрессора, свидетеля;

- наиболее часто подростки подвергаются следующим типам кибербуллинга: распространение клеветы и одной из разновидностей данной формы – «онлайн слэм-буки» (39 %), которая практически в равной степени распространена среди учеников и учениц, где подростки публикуют неприятные и агрессивные комментарии. Затем следует секстинг (21 %), преимущественно распространенный среди женского пола. Высылая собственные фотографии в полуобнаженном или обнаженном виде, подростки пытались привлечь своих романтических партнеров, не думая о последствиях. Третьей формой кибербуллинга по популярности среди подростков является раскрытие секретов и мошенничество (12 %);
- в ходе проведения полуструктурированного интервью было выявлено, что подростки, подвергающиеся негативному опыту кибербуллинга, преследуются «вживую» по разным причинам в школьном коллективе. Например, по национальному признаку или в связи с успешностью в учебном процессе и т. д.;
- основным мотивом агрессоров является выражение таким способом личной неприязни, зависть, а также повышение своего авторитета в компании друзей. Доминирование данных мотивов может быть обусловлено чувством собственной неполноценности подростка, вследствие чего может возникать и зависть, и желание повысить свой авторитет, и, как итог, появляется чувство превосходства над окружающими, которое агрессор демонстрирует в благоприятных для него условиях;
- в ходе интервью было выявлено, что, как правило, подростки сами не замечают, что из роли жертвы начинают переходить в роль агрессора или наблюдателя и наоборот, то есть все участники кибертравли могут переходить из одной роли в другую. Так, можно предположить, что кибербуллинг как феномен опирается на сложную структуру взаимодействий между преследователем, жертвой

и наблюдателем. Анонимность, дистанцированность, публичность предоставляемая интернет-пространством могут оказывать существенное влияние как на содержательные характеристики ролевых позиций, так и на особенности их смены;

- все 100 % подростков без исключения были зарегистрированы в такой социальной сети, как «ВКонтакте», второй по популярности выступает социальная сеть «Инстаграмм» (53 %), далее следует сайт «Одноклассники» (37 %), «AskFm» (12 %) и на последнем месте Twitter – 7 % подростков. Популярность социальной сети «ВКонтакте» среди подростков обусловлена наличием разнообразных бесплатных приложений, бесплатной загрузкой и просмотром фильмов, видеороликов, а также музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинцова, А. С. Социальная профилактика кибербуллинга / А. С. Зинцова // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 3. – С. 122–128.
2. Найденова, Л. А. Кибербуллинг: опасное виртуальное «быкование» / Л. А. Найденова // Материалы на портале медиаграмотность [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/cyber-bullying.htm>. – Дата доступа 12.12.2015.
3. Солдатова, Г. В. Агрессоры и жертвы / Г. В. Солдатова // Дети в информационном обществе. – 2012. – № 11. – С. 42–35.
4. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 3. – С. 177–191.
5. Парфентьев, У. Кибер-агрессоры / У. Парфентьев // Дети в информационном обществе – 2009. – № 2. – С. 66–70.
6. Blaya, C. Cyberviolence et cyberharcèlement: approches sociologiques / C. Blaya // Dans La nouvelle revue de l'adaptation et de la scolarisation. – 2011. – № 53. – P. 222–227.
7. Ybarra, O. On-line social interactions and executive functions / O. Ybarra, P. Winkielman // *frontiers in Human Neuroscience*. – 2012. – № 6. – P. 1–6.
8. Патчин, Дж. Результаты исследования кибербуллинга. Кибербуллинг и суицид / Дж. Патчин, С. Хидуя ; перевод О. С. Черкасенко // Диалог. – 2015. – № 9. – С. 8–11.
9. Kowalski, R. M. Cyberbullying in the Digital Age / R. M. Kowalski, S. P. Limber, P. W. Agatson // Chichester: Wiley – Blackwell – 2011. – P. 224.
10. Patchin, J. W. Cyberbullying Among Adolescents: Implications for Empirical Research / J. W. Patchin, S. Hinduja // *Journal of Adolescent Health*. – 2013. – № 53. – P. 431–432.

Заключение

На наш взгляд, дальнейшее изучение кибербуллинга должно продвигаться в направлении изучения личности подростка в триаде преследователь – жертва – свидетель. Поскольку вышеописанные позиции лишь изредка становятся предметом системного рассмотрения, несмотря на то, что эти роли не абсолютны: преследователь может стать жертвой, жертва инициировать травлю в виртуальном пространстве, а наблюдатель порой оказывается в роли преследователя или жертвы. Более четкое выделение позиций в кибербуллинге может не только углубить понимание этого феномена, но и позволит разработать более эффективные программы, направленные на предотвращение данного явления, или хотя бы на минимизацию последствий феномена кибербуллинга на личность подростка.

REFERENCES

1. Zintsova, A. S. Sotsialnaya profilaktika kiberbullinga / A. S. Zintsova // Vestn. Nizhgorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo. – 2014. – № 3. – S. 122–128.
2. Naydenova, L. A. Kiberbulling: opasnoye virtualnoye "bykovaniye" / L. A. Naydenova // Materialy na portale mediagramotnost [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://psyfactor.org/lib/cyber-bullying.htm>. – Data dostupa: 12.12.2015.
3. Soldatova, G. V. Aggressory i zhertvy / G. V. Soldatova // *Deti v informatsionnom obshchestve*. – 2012. – № 11. – S. 42–35.
4. Bochaver, A. A. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologiy / A. A. Bochaver, K. D. Khlo-mov // *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. – 2014. – № 3. – S. 177–191.
5. Parfentyev, U. Kiber-agressory / U. Parfentyev // *Deti v informatsionnom obshchestve*. – 2009. – № 2. – S. 66–70.
6. Blaya, C. Cyberviolence et cyberharcèlement: approches sociologiques / C. Blaya // Dans La nouvelle revue de l'adaptation et de la scolarisation. – 2011. – № 53. – P. 222–227.
7. Ybarra, O. On-line social interactions and executive functions / O. Ybarra, P. Winkielman // *frontiers in Human Neuroscience*. – 2012. – № 6. – P. 1–6.
8. Patchin, Dzh. Rezultaty issledovaniya kiberbullinga. Kiberbulling i suitsid / Dzh. Patchin, S. Khiduya; perevod O. S. Cherkasenko // *Dialog*. – 2015. – № 9. – S. 8–11.
9. Kowalski, R. M. Cyberbullying in the Digital Age / R. M. Kowalski, S. P. Limber, P. W. Agatson // Chichester: Wiley – Blackwell – 2011. – P. 224.
10. Patchin, J. W. Cyberbullying Among Adolescents: Implications for Empirical Research / J. W. Patchin, S. Hinduja // *Journal of Adolescent Health*. – 2013. – № 53. – P. 431–432.